

Среди тишины ворон и птиц Фан Чаочжоу стабилизировал свой разум и попытался успокоиться: "Учитель, я могу объяснить, что, хотя эта штука очень похожа на ту штуку, на самом деле это не так, он посмотрел в сердитые глаза Мастера, и его тон медленно ослаб: "Мастер, вы верите, что это просто грелка для рук?""

Затем он был заперт.

Фан Чаочжоу посмотрел на стену, полную лиц, и слабо вздохнул. Все, что было на его теле, было убрано, и ничего не осталось.

Сейчас он ничего не может сделать, он может только лежать здесь в оцепенении.

Однако ему посчастливилось не попасть в водяную тюрьму, и мастер бросил его в каменную тюрьму.

Я не знаю, как долго я буду сидеть взаперти.

Когда старший брат запихнул его внутрь, выражение его лица было сложным. Наконец, он вздохнул, хлопнул его по плечу и ушел, ничего не сказав.

Подумав об этом, Фан Чаочжоу снова вздохнул, повернулся и повернулся лицом к другой стене. Теперь я могу только ожидать, что младший брат объяснит мастеру после того, как он придет в сознание, чтобы он мог выйти. В противном случае мастер должен подумать, что у него плохое сердце к младшему брату. В конце концов, мастер не только нашел "теплого ребенка" в своем кольце для хранения, но также нашел помощь ян, которую дал ему Ду Юньси. Лекарство.

Хотя Ду Юньси взял на себя инициативу встать и сказать, что он дал это ему, то, как Мастер смотрел на Ду Юньси, казалось, смотрело на его сообщников, и он почти бросил Ду Юньси в каменную тюрьму вместе.

И то, как эти младшие братья и сестры смотрели на него, было не очень хорошо. Все они знали, что у него и раньше была скрытая болезнь, и то, как они смотрели на него, было в основном сочувственным, но теперь то, как они смотрели на него, было действительно сложным.

Все они, казалось, думали, что у него скрытая болезнь, но они все еще не могли сохранить свою любовь к младшему брату, поэтому они без колебаний принимали таблетки от Ян-эйда и хотели одолжить инструменты, чтобы поиграть с младшим братом.

Мастер только грубо взглянул на своего "теплого ребенка", а затем с отвращением выбросил его, так что он не увидел на нем имени Ли Е. Фан Чаочжоу на некоторое время запутался, но все же не взял на себя инициативу объясниться.

Было известно, что он прятал нефрит того же размера, что и Ли Е. Он все еще жив?

Нет, я не могу этого сказать.

Он хочет, чтобы ему было стыдно.

После того, как Фан Чаочжоу целый день скучал в каменной тюрьме, кто-то, наконец, пришел навестить его. Когда он увидел посетителя, он бросился к нему и схватился за железные перила с заклинанием: "Старший брат, наконец-то ты здесь!" "Ты меня выпустила?"

Старший брат увидел, как его второй брат вцепился в железные перила, и весь этот человек казался щенком, который весь день не выходил на улицу. Он не мог удержаться от улыбки, но быстро сузил улыбку и сказал с невозмутимым лицом: "Нет, второй брат, я пришел сюда на приказ мастера."

После того, как прозвучали эти слова, он достал из-за спины перо, чернила, бумагу и чернильный камень и протянул их Фань Чаочжоу из щели: "Учитель велел тебе написать письмо с покаянием."

Фан Чаочжоу посмотрел на вещи в своей руке и на мгновение опешил. Увидев, что старший брат развернулся и собрался уходить, он быстро крикнул: "Старший брат, какое покаяние учитель просил меня написать?"

Разве вы не должны использовать Юньси в качестве теплого ребенка?

Или тебе не следует принимать лекарство ян-эйд от пятого младшего брата?

Или младший брат не должен его целовать?

Но старший брат проигнорировал его и ушел, передав вещи, не сказав, когда он придет, чтобы получить признание.

Фан Чаочжоу в трауре откинулся на спинку стула и через некоторое время начал играть сам с собой в нарды. Старший брат прислал много бумаги, так что можно потратить несколько листов впустую.

Еще через три дня Фан Чаочжоу так заскучал, что у него на голове вот-вот должна была вырасти трава, и, наконец, снова увидел людей.

На этот раз пришел его хозяин.

Проведя взаперти четыре дня ни с чем, Фан Чаочжоу теперь чувствует себя добрым ко всем, особенно когда он видит мастера, который может его выпустить, сурово глядя друг на друга, и крик мастера очень протяжный.

Мастер встал за железными перилами, услышал слова, поднял глаза на Фан Чаочжоу, и дверь каменной тюрьмы мгновенно открылась. Фан Чаочжоу был взволнован, но выражение его лица стало еще более жалким, оно было похоже на маленькую капусту, которую никто не хотел класть в землю.

“Учитель, младший брат готов?”

Мастер вошел и с первого взгляда увидел бумагу, разбросанную по земле. Он опустил глаза и посмотрел на нее. Фан Чаочжоу увидел, что ситуация была неправильной, и быстро заблокировал бумагу.

Его движения заставили посетителя тихо фыркнуть: “Ты все еще можешь играть, когда сидишь взаперти, это довольно удивительно.”

“Я просто бездельничаю и скучаю, поэтому могу рисовать по своему желанию. Фан Чаочжоу быстро достал книгу покаяния, которую держал в руках, и передал ее собеседнику: “Учитель, моя книга покаяния написана”.”

Мастер взял его, торопливо просмотрел, поднял глаза и с улыбкой посмотрел на Фан Чаочжоу: “Это письмо с покаянием, которое ты написал?””

“Ну, разве это не хорошо написано?” Фан Чаочжоу не мог не бить в барабаны, когда увидел выражение лица Мастера.

Мастер снова фыркнул, сложил исповедальную книгу, сунул ее в рукав, повернулся и вышел. Видя, что другая сторона уходит, Фан Чаочжоу не слишком заботился. Он подбежал и обнял ногу другой стороны: “Учитель, просто отпусти меня. Я действительно умру здесь. Это слишком скучно. В противном случае, Учитель, ты можешь вернуть мне кольцо для хранения.””

Дом, который он хочет, - это не такой дом.

Мастер, который обнимал его за ногу, некоторое время двигался, но не смог оторваться от Фан Чаочжоу и не мог не оглянуться на молодого человека, который обнимал его за ногу.

В последние несколько дней Фан Чаочжоу было так скучно, что он запаниковал, и все его тело болело. В это время он боялся, что Учитель оторвет его. Он крепко обнял ногу Учителя, жалобно глядя друг на друга.

“Учитель, я действительно умру, если снова останусь здесь, так что заберите меня отсюда.”

Мастер посмотрел вниз на Фан Чаочжоу, и на некоторое время он протянул руку и сжал подбородок Фан Чаочжоу: "Хорошо."

Фань Чаочжоу, которого внезапно ущипнули за подбородок, на мгновение растерялся. Мастер и его старик никогда не делали ему таких... двусмысленных движений.

В следующее мгновение он почувствовал, как рука, держащая его за подбородок, слегка напряглась: "Малыш, ты проявил инициативу, чтобы умолять меня позволить мне пригласить тебя на свидание, и теперь слишком поздно сожалеть об этом".

Этот голос больше не является голосом его хозяина.

Да... это был голос Ли Е.

Глаза Фан Чаочжоу внезапно расширились, и прежде чем он смог отпустить ее, он был ошеломлен.

Когда он снова проснулся, Фан Чаочжоу обнаружил, что лежит на кровати с тяжелой марлевой занавеской, висящей рядом с кроватью, и насыщенный аромат продолжал сверлить его нос. У него не было сил, и он хотел сесть, но не мог ими воспользоваться. Он мог только лечь. Единственное, чем он мог пошевелить, это пальцами, но он мог пошевелиться лишь слегка.

Где это?

Кажется, Ли Е вывел его из каменной тюрьмы. Это Врата Темной Души?

Как только прозвучала эта мысль, Фан Чаочжоу услышал шаги.

Звук доносился издали и издали, и он становился все тяжелее. Посетитель намеренно подчеркнул звук шагов, как бы для того, чтобы усилить чувство страха Фан Чаочжоу.

В незнакомом месте, без сил, любой почувствует страх.

Тонкая рука приподняла слои марлевых занавесок, и открылось лицо посетителя.

По сравнению с нашей последней встречей, лицо Ли Е было явно бледнее, и даже цвет его губ был светлее, но чернота между бровями была сильнее, и его лицо выглядело более злым. Он стоял у кровати, тихо любясь Фан Чаочжоу, который не мог пошевелиться, затем выпятил нижнюю губу: "Ты боишься?"

Фан Чаочжоу честно сказал: "Я боюсь."

Теперь, когда он видит Ли Е, он думает об этом "теплом ребенке". Если Ли Е хочет быть для него неопишваемым, то он не просто распускает свою задницу, он собирается пролиться рекой крови.

Ли Е сел у кровати, протянул руку и ущипнул Фан Чаочжоу за лицо, сначала разжимая его, а затем медленно увеличивая силу. Сзади лицо Фан Чаочжоу сморщилось от боли.

"Ты все еще боишься? Я думал, ты очень смелый." Он достал листок бумаги, с которым Фан Чаочжоу был очень хорошо знаком.

Это было письмо с покаянием, написанное Фан Чаочжоу.

Глаза Ли Ие постепенно становились холодными: "Кто позволил тебе поцеловать Сюэ Даньжуну?"

Фан Чаочжоу ущипнули за лицо, и теперь он может только нечленораздельно отвечать: "Башня... дорогое гнездо... из." Он поцеловал меня.

Когда Ли Е услышал это, он усмехнулся: "Тон довольно обиженный. Он так зол, что хочет поцеловать тебя. Ты не такая злая. Разве ты не знаешь, как сопротивляться?" Вместо этого он расслабил лицо Фан Чаочжоу и потер его красные щеки.

В соответствии с принципом исповеди, снисхождения и сопротивления строгости, Фан Чаочжоу написал о том, что произошло, когда Сюэ Даньжун сошел с ума в Книге 1510 Покаяния. Конечно, он специально подчеркнул в конце, что у него не было превосходных чувств к своему младшему брату. Откуда он мог знать, что Ли Ие притворится быть его хозяином и отрезать это письмо с покаянием.

"Я сопротивлялся и попросил старшего брата позвать мастера. После того, как Фан Чаочжоу закончил говорить, он не мог не спрятаться от руки Ли Е.

Ли Иее прищурился, и холод в его глазах стал еще тяжелее: "От чего ты прячешься?"

Фан Чаочжоу замер, а затем некоторое время слабо говорил: "Холодно."

Ли Е поднял брови, и в следующий момент он прямо положил руку на шею Фан Чаочжоу. После того, как он надел ее, он слегка улыбнулся и спросил: "Все еще холодно?"

"Но... и уже не холодно. Фан Чаочжоу выдавил из себя улыбку.

Теперь, когда он - нож, а я - рыба, он должен быть Цзюньцзе, который знает текущие дела. Ли Ие не может позволить себе провоцировать этого большого дьявола.

Видя, что Фан Чаочжоу так хорошо знают друг друга, Ли Е слегка кивнул, а затем вернулся к предыдущей теме: "Ты действительно сопротивляешься?" Если ты будешь сопротивляться, сможет ли он поцеловать тебя?" Он сделал паузу, "Это все еще то, что ты сопротивлялась на поверхности, но на самом деле ты была так счастлива давным-давно, верно?"

Видя, что глаза Ли Е становятся все более и более злыми, Фан Чаочжоу немедленно сказал: "Небо и Земля Минцзянь, у меня нет ничего плохого с моим младшим братом. Если есть, позволь мне..."

Какая клятва лучше?

"Просто позволить тебе что? Ли Е посмотрел на него с улыбкой.

Глаза Фан Чаочжоу округлились, и прошло некоторое время, прежде чем он сказал: "Просто пусть в моем небе прогремит гром, и пепел исчезнет."

"Я слишком много слышал о такого рода клятвах, это скучно, измените это. Ли Е наклонился и пристально посмотрел в глаза Фан Чаочжоу. Как только он наклонился ближе, тело Фан Чаочжоу напряглось: "Ну, если у тебя есть какие-то неправильные мысли о Сюэ Даньжуне, тебе придется трахнуть в своей жизни".

Последние два слова он произнес очень четко, и в конце его взгляд скользнул по бедрам Фан Чаочжоу.

От этого взгляда у Фан Чаочжоу побежали мурашки по коже, но он все же сдержался и произнес ядовитую клятву. После того, как прозвучали эти слова, Ли Е приподнял уголки губ и сменил тему: "Кстати, вещи, которые я тебе дал, были приняты старой вещью твоего хозяина, верно?"

Когда он увидел "Откуда ты знаешь" в глазах Фан Чаочжоу, он небрежно сказал: "Я все еще знаю, находятся ли вещи, которые я отправил, в руках получателя, иначе как бы я узнал, что ты заперт". В зависимости от того, насколько вам нравятся мои вещи, это должно быть ненормально, если вы не играли в течение нескольких дней."

Фан Чаочжоу был застигнут врасплох, немного непонятный.

"Но все в порядке, на этот раз я позволю тебе играть по-настоящему. Ли Е скривил губы и улыбнулся Чаочжоу, и три слова "хулиганство" были почти выгравированы на его лице: "Ты можешь играть столько, сколько захочешь, и я буду сопровождать тебя до конца".

Фан Чаочжоу некоторое время молчал, он моргал, его лицо постепенно становилось странным, и прошло некоторое время, прежде чем он начал заикаться.

“Не совсем... хорошо... правильно.”

Обычно он просматривает сценарий в течение нескольких часов с первого взгляда.

Увидев, что Фан Чаочжоу запнулся, Ли Е улыбнулся еще шире: “Почему это нехорошо?” Лучше притворяться фальшивым, чем настоящим.”

Ему показалось, что он увидел, как другая сторона покраснела, но он не знал, что слышал, как другая сторона сказала.

“Правда... Ты можешь сказать, что это горячо, когда это горячо? Холодно ли отпускать?”

Неужели волшебный ремонт такой волшебный?

На этот раз Ли Е был ошеломлен, но прежде чем он спросил Фан Чаочжоу, что он имел в виду, снаружи раздался голос.

“Учитель, я должен вам кое-что сказать.”

Ли Ие нахмурился и выпрямился. Он посмотрел на Фан Чаочжоу, лежащего на кровати, бросил фразу “Ты ждешь меня здесь”, встал и вышел.

Как только Ли Е ушел, Фан Чаочжоу сразу же захотел убежать, но он еще не восстановил свои силы. После долгой борьбы он просто переместился с середины кровати на край кровати. Как раз в тот момент, когда он собирался открыть марлевою занавеску своим лицом, раздался фейс наклонился первым.

Это лицо очень маленькое, размером почти с пощечину, а пара кошачьих глаз очаровательна.

“Это ты!” Посетитель увидел Фан Чаочжоу на кровати и сразу же издал какой-то звук.

Фан Чаочжоу был вне себя от радости, когда увидел маленького дьявола, который появился из ниоткуда, и сразу же сказал: “Ли Чжу, разве ты не хочешь, чтобы я была твоей мачехой?” Поторопись и отпусти меня сейчас же!”

Он думал, что Ли Чжу согласится, но он не знал, что Ли Чжу выслушал это предложение и оглядел его с ног до головы. После того, как глаза кота закатились, он протянул руку и толкнул его на край кровати: “Ха, когда я идиот, я я не отомстил за то, что ты отомстил мне в прошлый раз!”

Сказав это, Ли Чжу задрал кровать.

<http://bllate.org/book/15899/1419741>